

От автора
бестселера
«Ваня и
исчезнувший»

Галина
Щербачкова

Кто из вас генерал,
девочки?

- [Галина Щербакова](#)

-

Галина Щербакова

Единственная, неповторимая...

Она любила приказывать. Она умела приказывать. У нее было право приказывать. Потому что Тамара Федоровна была первым человеком в городе. Скажем, почти первым. Впрочем, Тамара Федоровна могла быть и никем, а приказывать все равно умела бы. Такой характер... Тут, конечно, интересно поразмышлять, что в нас первично – природа или обстоятельства? И можно ли, будучи в смысле данных «ником», стать «всемирным»? А можно и не размышлять, чтоб не сломать мозги, а просто взять за основу такую данность. Жила-была женщина, Тамара Федоровна, с сильным характером и сильной должностью. Взять это за основу, чуть-чуть тормознуть и посмотреть со стороны, что из этого вышло в одном конкретном случае. Ни в коем случае не обобщая частный факт...

Представьте себе декабрь... Чуть-чуть метет, так легко, непротивно... Стоит возле не обозначенного никакой вывеской здания «Волга». Шофер листает «Крокодил», ему не смешно и не страшно, ему – никак. То, что пишут про воров и пьяниц, его не колышет. Он сам ворует бензин и хорошо выпивает. Не будешь же пугаться сам себя? Тем более над собой смеяться?

Но вот он подобрался, потому что по ступенькам необозначенного здания спускалась женщина. В незастегнутой шубке, в распущенном шарфике, высокой песцовой шапке, издали – весьма эффектная женщина.

Села, как положено, сзади; поймал в зеркальце лицо ее шофер и ахнул: как говорится, на лице лица не было. Чуть не долбанулся в стоявшие впереди «Жигули». Она не заметила!!

Короче... Тамара Федоровна ехала из поликлиники, где проходила очередную диспансеризацию, с очень испорченным настроением.

Сначала все шло формально и подхалимски, как и в прошлый год, и в позапрошлый, а у хирурга возникла ситуация. Еще только она переступила порог кабинета, как почувствовала: что-то не так... Хирург вскочил, поцеловал ей руку и чуть сам раздевать ее не кинулся, а это было уже слишком для выражения почтения... Сестру куда-то

сразу ветром сдуло, а хирург ни с того ни с сего стал говорить какие-то глупости о том, что, мол, живет человек, живет, и это прекрасно, но пока он живой, все в нем, живом, и возникает... Что и отклонением назвать трудно... Течение, так сказать, жизни...

– Что возникает? – прямо спросила Тамара Федоровна. И именно на эти ее слова открылась дверь, и в кабинет вошел главный онколог города, а за ним маячила сестра с рентгеновскими снимками в обнимку.

Онколог тоже поцеловал руку и сказал, что зима в этом году как никогда. И снегу ровно столько, сколько надо, и морозу ни больше ни меньше... Значит, возможны урожаи... Одним словом, произнес очень оптимистические для думающего интеллигента слова...

– Лучше скажите, что там у меня возникло? – спросила Тамара Федоровна, но одновременно холодея внутренне. Это она умела делать блистательно: скрывать то, что ее на самом деле беспокоило и интересовало. Никаких там вопрошающих глаз, подрагивающих пальцев или еще чего у нее никто никогда не видел.

Она смеялась, глядя на хирурга и онколога. И оба они подумали: «Железная тетка. Ничем ее не испугаешь... Просто Павлик Морозов...»

– Да ничего! – добродушно сказал онколог. – Что у всех, то и у вас... Полипчики... Это в пятьдесят почти правило...

– Резать? – резко спросила Тамара Федоровна.

– Надо бы обследоваться в стационаре. Может, и не надо...

– Когда и на сколько?

– Сейчас и недели на две. Как минимум...

– Сейчас не могу, – сказала она. – Месяца через два... Конец же года, товарищи...

И тут оба доктора заговорили вместе, и этот их несрепетированный общий разговор что-то и обнаружил... Один говорил, что даже если операция, то раз-два, и все... Другой, что надо к этому отнестись серьезно – все новообразования чреваты... Один говорил, что теперь такая аппаратура, что заснул и проснулся как новенький, а другой настаивал, что жить надо иначе... Беречь силы, ибо могут пригодиться...

Сестра же слюнявила большой конверт, в который уже запятила рентгеновские снимки, и большими буквами писала на нем:

«Морозову, лично».

Морозов был лучшим оперирующим онкологом, в отличие от главного, который был просто главным, но лучшим не был.

– Не тяните, дорогая моя, – сказал хирург. – Просто завтра вас будут ждать...

«Плохи мои дела», – подумала Тамара Федоровна, видя перед собой серый, в шелушинках конверт.

Естественно, никто ничего на работе не заметил. И дома тоже. Чем большей паникой охватывалась ее душа, тем непроницаемей было крупное, четкой вылепки лицо. Оно просто делалось крупнее и вылепленней, и за столом Тамара Федоровна смотрелась как бронзовый бюст.

Ночью все заболело. Мышцы, кости, мозг. Все ныло, стонало, пульсировало, колело. Пришлось идти за таблеткой. Выпила два анальгина сразу, а стало не лучше – хуже.

– Голова болит? – спросил муж, проснувшись от ее беготни.

– Да, – ответила она сухо. Муж покряхтел, видимо, выражая сочувствие, потом положил ей руку на живот, тоже из сочувственных соображений. И Тамара Федоровна четко ощутила болезнь именно под его рукой. Именно там было это, именно там... Она стала вслушиваться в это место, такое незначительное в биографии место, что расположено слева и выше пупка. Тьфу, место! Муж так и уснул рядом, рука его потяжелела, придавив это, а Тамара Федоровна вся похолодела от ужаса, узнав в лицо врага, с которым, может, ей не справиться.

Она так и лежала без сна, думала и ничего не придумала, утешала себя и не могла утешиться, возвращала в себе уверенность и не возрастила. Поняла одно: ей нужна точность. Никаких «то» и «это», никаких недоговоренностей, пусть ей скажут правду. На полуправду сил уйдет больше.

День начался как день. Кофе, рогалик, газеты. Три-четыре слова через две газеты мужу. И на работе все шло по расписанию, между двумя посетителями небрежно сказала секретарше: «Вызови мне Никоненко».

Никоненко был главным врачом поликлиники и не мог не быть в курсе здоровья Тамары Федоровны.

Вот тут и должно было быть пущено в дело основное свойство Тамары Федоровны – умение приказывать. Никоненко был никудышный терапевт, это обнаружилось сразу после института, но отнимать у него диплом оснований не было, никто у него от вопиющей диагностической ошибки не умер, да вообще, что такое в наше время терапия? Так... Хиромантия при помощи анализа крови, мочи и еще одного показателя. Никоненко же был представительный мужчина, прошел армию, окончил университет марксизма-ленинизма. Так что он очень непринужденно стал главным врачом. И вот именно его ждала сейчас Тамара Федоровна.

Никоненко не вошел – влетел. Это был его стиль – стремительность. Для начала разговора Тамара Федоровна положила перед собой папку с бумагами по поликлинике. Жалобы, претензии, предложения. Например, такое: в части лестницы сделать ступеньки пониже – для пенсионеров. Бред собачий, а расчеты приложены. Средняя высота шага человека, которому за семьдесят лет, высота ступеньки действительной и желательной. Место удара, задевания каблуком. Траектория падения тела вперед и тела назад. Прогноз смерти. Так и было написано – прогноз смерти. И то, что Тамара Федоровна, открыв «папку по поликлинике», глазом уперлась именно в строчку, которая и была темой предстоящего разговора, вызвало такую тахикардию, что впору было вызывать «неотложку», но Тамара Федоровна просто стала в этот момент четче, контрастней, и все. Никоненко же, который все уже знал, тоже подумал о ней с восхищением: «Эту бабу с ног не сбить».

Говорили о серьезном. О дефиците лекарств. Об иглоукалывании – когда же у нас? О строительстве нового корпуса для физиотерапии.

– Да! – сказала Тамара Федоровна, кончая разговор. – Там твои специалисты меня пужать задумали... Что там у меня на самом деле?

И тут Никоненко сломался. То есть напрочь. Две силы на нем сомкнулись и смяли его. Он не мог сказать и не мог не сказать. Тамара Федоровна смотрела на него спокойно, твердо, и он уже знал, что не уйдет с места, пока не скажет всего, а соврет – хуже будет. Ей врать нельзя, тем более это тот самый случай, когда правду ей все равно придется узнать. Куда она денется? Морозов получил снимки и сказал им сегодня утром, что нечего ему уже делать. Для приличия пусть

пришлют, он посмотрит, но речь может идти только о времени... Об оставшемся времени.

– Обычная перестраховка, – пробормотал Никоненко. – Теперь мода такая – всех через онкологию...

– Операция?

– Да нет! – искренне закричал Никоненко. – Какая там операция...

Он обрадовался, что, кажется, выныривает... Ничего страшного... Тем более он не врет... Операции действительно не будет... Скорей всего...

– Поздно? – спросила она тут же. Без паузы.

Он, уже обрадованный благополучным исходом разговора, не сумел среагировать быстро и точно. Он застрял в своей глупой улыбке, как в капкане.

– Ты скажешь мне все, – услышал он холодный и спокойный голос. – Я не истеричка и в обморок не рухну (сама же была в полуобмороке несколько минут). Как бизнесмены поступают? Они выясняют точное время и точно им распоряжаются... А у меня хозяйство пусть не четырем Франциям, – проявила она знание драматургии, – но двум Бельгиям равняется... Так что мне умереть без предупреждения никак нельзя, Никоненко. Поэтому четко, между нами, выкладывай все. У меня рак и метастазы... Верно?

Никоненко обреченно кивнул.

Тамара Федоровна ногой зацепилась за ножку стула и давила, давила, чтоб стало больно. Когда стало нестерпимо, позволила себе чуть скривиться и сказала:

– Сустав болит... А это не болит... Ну, да ладно... Хорошо же, что не болит... Сколько даете времени?

– Для этого и надо лечь в больницу, – проникновенно сказал Никоненко. – Чтоб посмотреть как следует...

– Глупости! – сказала Тамара Федоровна. – Глупости! Тратить на больницу время, если его, считай, нет... Все-таки, сколько?

– Тамара Федоровна! – закричал он. – Да что я, Бог? Кто ж это достоверно знает?

– А какие ножницы?

– Ножницы?

– От и до... Есть же у вас «от», есть и «до»...

– Да может, я сам завтра умру? – вдруг разозлился Никоненко. – А у вас вообще ошибка...

– У меня не ошибка, – четко сказала Тамара Федоровна. – Не юли... Полгода у меня есть?

– Есть, есть! – обрадовался Никоненко. И тоже не соврал. О полугоде говорили. Даже и больше могло быть... В конце концов, она же пока ничего не чувствует...

– Иди, – сказала Тамара Федоровна. – И не болтай языком!

Дома уже все всё знали. Хирург еще утром вызывал к себе мужа Тамары Федоровны. Никоненко поймел потом неприятности от нее ни за что ни про что... Он-то действительно никому ни слова...

Все были дома. Дочь с мужем. Сын. А быть не должны были. Каждый приход дочери всегда оговаривался заранее, потому что Тамара Федоровна гостевой неожиданности не любила. Хоть и дочь, а предупреди заранее. Не девчонка мать, чтоб на виду у всех суетиться и соображать на ходу, что на стол бросить.

А тут – на тебе. Все... Хорошо, что хоть без внука. Нечего ребенку видеть этот погребальный сбор.

Ну, конечно, все всё как-то объяснили, шли, мол, мимо, свет горит, дочь даже прошептала: «Так я в туалет хотела...»

Тамара Федоровна вычислила: отец узнал правду и тут же протрубил побудку. И что ей теперь со всеми ними делать?

Дочь сама поставила чашки, нарезала колбасы, сыру, сварганила морковный салат: «Раз уж я тут...»

«Надо с этим кончать... Раз и навсегда...» – подумала Тамара Федоровна.

– Мама, – вдруг сказала дочь. – Не будем делать вид, что ничего не случилось. Тебе надо лечь на обследование... Не нужно паники, но и легкомыслия в таком деле тоже не надо...

– Хорошо, что ты сама начала, – ответила Тамара Федоровна. – А то ведь мне все-таки неудобно вас спрашивать, чего явились? Так вот, был у меня разговор на высшем уровне... Типичная перестраховка... Типичная! Была бы я – не я, слова бы никто не сказал, а тут, извините, должность заболела... Так что я, может, и лягу в больницу, но когда дела сделаю... Конец года... Все подбивают бабки... Время не простое... Потерпит больница...

Боже, как они все сразу успокоились! Как легко сняла она у них страх с души. Пили чай.

Внутри же болело. Сразу, как она их всех поставила на место, заболело. И вместе с болью пришло какое-то неведомое до сих пор любопытство, кто это с ней за столом? Что за народ? Именно так, отвлеченно, подумала она о самых своих близких – «народ».

Чувство отчуждения новым не было. Просто никогда оно не было таким всеобъемлющим, чтоб в него попал и Витя, сын. Теперь же и он был «народ», и его не было жалко, а было возмущение несправедливостью, что, когда ее не будет, эти чашки в горошек, и льняная скатерть, и прибалтийский атласный абажур, и все вокруг, а главное – они будут живы, будут так же сидеть еще много, много раз, а ее, которая все это сотворила своими руками, не будет. Осмыслить это оказалось вполне возможным, а вот прочувствовать было нестерпимо. Что она, не знала, что все смертны? Что всех нас, хороших и плохих, переживают чашки и скатерти? Знала. К себе не относила. «Мне некогда об этом было думать», – объяснила она себе. Они же пили чай.

Муж громко прихлебывал, и, как всегда, это было противно.

Дочь, как всегда, размачивала в чае печенье, на что тоже было неприятно смотреть, на это белое месиво в чашке.

Зять чай выпил залпом, с гримасой отвращения. Так он пьет все – и молоко, и водку, и сырую воду. Странное такое у него свойство.

Сын же пил из блюдечка. Пыталась отучить – бесполезно... «А для чего тогда блюдца?»

Есть простые вопросы, на которые нет ответа. Этот, про блюдца, из таких. На работе знают, как она свирепеет, если кто-то по неосведомленности вылезает с каким-нибудь детским вопросом. Те, кто с ней работает давно, уже не спрашивают, к примеру, зачем она борется за «красные уголки», если в эти уголки только силой кого-то можно поставить. Время же другое, время! Не «уголками» оно определяется. Но, может, это и неудачный пример... Ну, тогда еще один из простых вопросов... Зачем в мясных отделах висит наглядный плакат – как правильно разрубить тушу и продать ее соответственно разрубленному сорту, если сортов давно нет в природе?

Вот такие вопросы больше всего выводили Тамару Федоровну из себя. Или взять дочь... «Я не глажу трусы... Зачем? Кто их видит?»

Убить хотелось и дочь, и всех...

Сейчас сына, который пил из блюдца.

«Я их не люблю», – сказала она себе и встала, сказав, что устала и надо, мол, идти отдыхать.

Подошла дочь и прошептала тихо:

– Все-таки, что бы там тебе ни сказали твои ответственные товарищи, а провериться надо... Ну, что ты как маленькая?

– Ты боишься, что я умру? – в упор спросила Тамара Федоровна.

– А что? Я не должна этого бояться? – возмутилась дочь. – Конечно, боюсь... Что я, монстр какой?

– Не бойся. – Тамара Федоровна похлопала ее по плечу. – Я успею устроить твои дела...

Лицо дочери пошло пятнами, а потом гримаса, ненавидимая матерью с детства гримаса исказила ее лицо. Исхитрялась дочь как-то так сцеплять и растягивать губы, что напрягались жилы на шее и делалась она страшной, уродливой... Тамара Федоровна в детстве даже била ее за это. Ничего! В какие-то минуты – волнения ли, гнева – Ольга становилась похожей на кикимору болотную. Ну откуда это, откуда?

– Идем, Толик! – крикнула Ольга мужу. – Идем! – И пошла от матери с этим своим нечеловеческим лицом. Интересно, муж его видит? Тамара Федоровна даже выглянула из кухни. Сидит зять, обувается на табуреточке, не видит. Увидел сын, Виктор.

– Убери лицо! – сказал он сестре. Та тряхнула головой, убрала...

Хлопнула дверь, ушли... Зять уже с порога крикнул: «До свидания». «До свидания», – проворчала Тамара Федоровна в мойку.

Пришел сын, встал рядом.

– Ты... Это самое... – сказал он. – Сходи все-таки... Ерунда, конечно, я убежден... Но, как это говорится, береженого Бог бережет...

– Я неверующая, – ответила Тамара Федоровна.

– И зря, – засмеялся сын.

– Что за разговоры! – возмутилась Тамара Федоровна. – Знаешь, у себя в доме...

– Да ладно тебе, – махнул рукой Виктор. – Ты ж не на работе...

– А я всегда и всюду одна и та же... Пора бы знать свою мать...

– Ну, чего ты взвилась? Ты на нас кидаешься, будто мы в чем-то виноваты...

– Мать устала. – Муж вошел на кухню. – Брось ты эти чашки... Вымыли бы без тебя...

Сын ушел, а Тамара Федоровна повернулась к мужу.

– Только ты... Только ты, пожалуйста, не начинай все сначала... Ни в какую больницу я не лягу... Обойдется... А не обойдется, тем более смысла нет... Живем, как жили... Ни у кого ничего... Пошла сдуру на эту диспансеризацию...

Муж пожал плечами. Странно так пожал... То ли, мол, понимаю, то ли не понимаю... Неужели уточнить? Нет, конечно...

И снова была бессонница. Смотрела в потолок, думала: правильно ли все решила? А может, лечь и прооперироваться, не первая, не последняя... Чему-то уже врачи научились. Морозов – ас. Подождут две Бельгии, никуда не денутся... Но знала, что не ляжет... Была неизвестно откуда взявшаяся уверенность, что это не поможет. Никоненко иначе говорил бы... У нее другой случай... Что ей предстоит? Боли? Не допустят... Худение на глазах у всех. Плохо... Это надо бы подготовить... Объявить, что она худеет сознательно, что у нее какая-нибудь там французская диета... Потеря сил? С этим она справится... Сама... Вся ее сила в воле... А воли ей не занимать... Сочувствие? Жалость? Вот это каленым железом, по всем и каждому... Этого она не стерпит... И начинать придется с семьи... Именно сюда произошла утечка информации. Надо будет прижать дверь Никоненко, чтобы взвыл, сукин сын...

Нет, она вполне в порядке... Голова ясная, паники в ней нет... И врала... Тамара Федоровна врала себе потому, что паника в ней не просто существовала, а билась как плененный тигр... И еще боль, которая охватывала ее всю, какая-то странная, не локальная, а всеобщая боль, которой в теле ее было вольготно и просторно, и она носилась по нему, боль, выискивая места, где она еще не побывала. Но если Тамара Федоровна не хочет в больницу, не признается в боли, как она получит настоящее обезболивающее? Если Никоненко... Он отслужит ей за длинный свой язык.

А боль возьми и пройди. Как пришла, так и ушла, и Тамара Федоровна даже уснула, крепко так, как давно не спала. И сон ей приснился, хороший сон. Будто она в каком-то очень красивом городе и что-то ищет. Какой-то магазин. И ее все посылают то туда, то сюда, а она выходит на одно и то же очень красивое место.

«Красивое не может сниться к плохому, – подумала она утром. – В конце концов, эти коновалы, современные медики, могли и напутать...»

Два месяца прошло спокойно. Ничего не было, ни болей, ни похудания, ни сочувствия; все шло своим чередом. И медики не приставали. Очень хотелось их спросить: «Вы что, ошиблись?» Но не сделала этого. И была горда.

За это время вползло в ухо много всякой информации про это. И были среди разного факты об отступившей болезни, о неожиданной консервации опухолей, почти безнадежных. Прочла Тамара Федоровна и популярный роман об экстрасенсе. Вывод сделала такой: она сама себе экстрасенс. Никаких ей полоумных стариков не надо. И эту знаменитую ассирийку тоже. Справится!

А однажды не смогла утром встать... В одно утро пришло все, чего так боялась. Осталась дома расprostертой на кровати. Пришла сестра, сделала уколы и не ушла. Сидела в кухне, смотрела по телевизору аэробику. Тамара Федоровна задремала, а когда проснулась, рот, горло были забиты чем-то горьким, саднящим. Отпила воды – не прошло. И не могло пройти. Потому что это была ненависть. К шторам, которые останутся, к этой кровати с выстеганным шелковым изголовьем и говорящему вдалеке телевизору, к халату из жатого ситца, купленному в Венгрии, ко всему существу – одушевленному и нет.

Тамара Федоровна была умна. Она читала, что ненависть – эмоция отрицательная. А ей остро нужна была положительная для сил, чтоб опереться на нее рукой, встать и самой дойти до туалета. Не звать же для этого сестру, черт возьми!

Надо было найти эту эмоцию, вытащить ее откуда-нибудь, наскоблить, настричь с нее энергии.

Тамара Федоровна обратилась к памяти. Что там такого в памяти – радостного, светлого?

Ей шестнадцать лет, и она выносит знамя на районной комсомольской конференции. Стоит у двери в зал, ждет слов: «Знамя районной комсомольской организации предоставляется вынести...» У нее дрожат колени, колотится сердце, перехватывает дыхание... Она и сейчас слышит стук барабанных палочек, которые ей тогда казались стуком сердца...

«Девочка, помоги мне встать!» – сказала Тамара Федоровна той себе, со знаменем. Ну да! Так та и бросит знамя, чтобы прибежать отвести в уборную какую-то старуху. Да сама Тамара Федоровна, вдруг остановись та она в сомнении, так бы толкнула себя в спину из нынешнего своего будущего, что та девочка птицей бы взлетела со знаменем в руках.

Нет, та девочка не придет. Тамара Федоровна знает это точно. Не помощница она ей. Та девочка считала, что жалость унижает человека. И стояла на этом твердо всю жизнь. Так твердо, что распластанная на кровати Тамара Федоровна готова была скорее сходить под себя, чем вызвать из кухни мурлыкающую себе под нос медсестру.

Но звать все-таки пришлось. И сестра ее сводила в туалет, и постояла под дверью, и перевела в ванную, и тут Тамара Федоровна увидела себя в зеркале. Надо было просто лечь на раковину грудью, чтобы вынести это зрелище. Потому что там боль и слабость, если лицо говорило все. «Ничего, ничего, – сказала себе Тамара Федоровна. – Сегодня я больная... Кого это красит?»

Сестра поправила ей одеяло, но так неумело, так неловко, как будто у нее и понятия не было, как должно лежать на человеке одеяло вообще.

«Она что, из дикой Сванетии?» – подумала Тамара Федоровна. Это ее определение было оценкой крайней тупости, хотя никакой Сванетии, тем более дикой, Тамара Федоровна не видела, но слова эти у нее были. И они были известны всему городу. Начальники друг другу говорили: «Я, знаешь, в этом ни бум-бум... Вчера только из дикой Сванетии...»

Когда сестра вышла, пришлось самой все поправить как следует. Но вернулась горечь во рту. Эта неумеха, эта идиотка, которая не знает, как укрыть одеялом, тоже останется... Невыносимая мысль заставила Тамару Федоровну позвать сестру.

– Посмотрите на постель, – сказала она тихо.

Глаза у сестры глупо округлились.

– Вы видите разницу, как сделали и как надо?

– Что сделала? – тупо спросила сестра.

– Укрыли меня одеялом...

– Ну? – не понимала та. – А что, не надо было?

– Но как вы это сделали? Вы помните?

– Ну, вы ж так и лежите, – совсем уж по-идиотски ответила сестра. – Я вас укрыла, а вы лежите... Чего не так?

Неужели же ей объяснять, что одеяло лежит не так, и подушка не так, если эта кретинка ничего не видит?

– Идите, – сухо сказала Тамара Федоровна.

– Нет, ну все-таки? – взъерепенилась вдруг сестра. – Я не поняла, я что-то сделала лишнее или не сделала? Я в общем-то не обязана с вами тут сидеть, но я, как человек, согласилась... Так чего вы придираетесь? В конце концов, я тут бесплатно...

Можно рухнуть в себя? Можно, и довольно глубоко. Тамара Федоровна рухнула. Что, ей никто никогда не перечил? Да сколько угодно... Поперечников всяких – пруд пруди... Но всегда – всегда! – всякое несогласие, всякое возражение существовали хоть и в одном времени и пространстве, но несколько ниже. Такая физика. Это же... Это же заявление сестры было заявлением какой-то неведомой свободной силы. Неразвитой, грубой, но воли, с которой Тамара Федоровна никогда не сталкивалась. Кто бы смел ей сказать про это «бесплатно»? Тамара Федоровна, конечно, знала про рубчики санитаркам в больницах, про вымаливаемые за любые деньги уколы на дому, за разные неконтролируемые презенты специалистам. Говорила себе так: доберусь до этого. Пока руки не доходят, но обязательно доберусь. У нее даже была своя личная пятилетка, так вот медицина и просвещение были там на четвертом году. Она была убеждена: с такой малостью справится.

Заводы открывает, реки вспять поворачивает, а уж ударить по рукам санитарок... Ну, дорогие мои...

И тут, в ее доме, ей в лицо... Неужели она так слаба в глазах этой неумехи, что та может себе позволить такое?

Надо было срочно, тут же все поставить на свои места. Надо было найти слова. И они бы нашлись, не будь Тамара Федоровна в постели. Проклятое лежачее положение кардинально меняло ситуацию. С подушки не говорилось то, что естественно звучало бы из-за стола или там из стоячей позиции.

– Уйдите, – сказала Тамара Федоровна.

– Сделаю укол и уйду, – дерзко ответила сестра. – А там пусть кого хотят присылают...

И она вышла из спальни.

В конце концов оказалось, что можно опереться не обязательно на положительную эмоцию. Можно опереться и на гнев...

Сестра ушла, а Тамара Федоровна неожиданно легко села, взяла в руки зеркальце и дотянулась до «косметички».

Во всяком случае, когда через час прибежала Ольга, Тамара Федоровна внешне была почти в порядке. А тут еще со шприцем в руке на отлете вошла сестра, нагло посмотрела на больную и сказала:

– Более тяжелые сами в процедурный ходят, а вам одеяло поправляй... Давайте сюда ягодицу!

Воистину, или сестра не ведала, кто перед ней, или была безразмерная нахалка, или... Или это была все-таки свободная воля? Неведомое свойство неведомых людей? Откуда же оно взялось? Это срочно хотелось продумать, но мешала Ольга.

Укол сестра сделала плохо, отчего Тамара Федоровна испытала удовлетворение. И ушла та, хлопнув дверью так, что звонок брякнул.

– Выглядишь ты неплохо, – сказала Ольга. – Умница. Ты, видимо, очень устала, был конец года... Полежи немножко... Пусть вокруг тебя другие покрутятся.

– Вот уж не надо, – ответила Тамара Федоровна. – Во всяком случае, эту чтоб я больше не видела.

– Привереда, – засмеялась Ольга. – Можешь себе позволить. Эту... Ту...

– Могу, – жестко сказала Тамара Федоровна. – И ты можешь. Мы все вправе требовать чуткости и внимания от медработников, а не потакать им, не заискивать перед ними. Они обязаны...

Что-то в лице Ольги начиналось... Болотная кикимора... Но она овладела собой, перевела на другое:

– Что тебе приготовить? Я купила кусок парной телятины... Хочешь, поджарю?

– Хочу, – сказала Тамара Федоровна, хотя есть не хотелось. Надо было, чтобы ушла дочь. А та и обрадовалась, рванула на кухню, загремела сковородкой.

Тамара Федоровна дочь не любила. То есть не то чтобы совсем, все для нее делала, помогала, но так, чтобы при виде ее растапливалось что-то в сердце... Этого не было... Никогда... Даже в младенчестве... С полутора месяцев Ольга в общественных учреждениях. Такое было время... Тамара Федоровна из

инструкторских командировок не вылезала. Как начала сразу после института в пятьдесят пятом, так и неслась... Молоденькой ей достался и пятьдесят шестой. Две веры – вчерашняя и сегодняшняя – бились в ней насмерть. Хотела даже уйти работать в школу, так неуверена стала в себе. Но ее уговорили, был серьезный такой разговор с секретарем, которому она звонко сказала: «Он не виноват... Он слишком верил людям...» На этом она стояла, стоит и будет стоять... Правда, сейчас это уже чисто умственное, а тогда у нее сердце на самом деле болело, когда была эта жуткая история с мавзолеем... Это же надо было пережить... Вот тогда и родилась Ольга... Не до нее было...

Выросла дочь самостоятельной, гордой и неласковой. Все в жизни сама. Ни к выбору профессии – химик она, ни к выбору мужа, ни к выбору места работы родителей не подпустила. Спроси она мать – все было бы у нее лучше. Но никогда! И внука родила так, что Тамара Федоровна узнала, что дочь беременная, когда та ушла в декрет... В первый свой свободный день она встала в очередь за зеленым горошком, и ей не хватило денег. Зашла к матери.

– Ты почему не на работе?

Ольга развела полы пальто.

Тамара Федоровна просто ахнула.

Квартиру молодые сначала снимали, а потом получили от завода. И не знала Тамара Федоровна, что они на очереди, что за них коллектив хлопочет... И все тут было чисто, потому что у дочери фамилия мужа и она про мать никогда никому... Сейчас уже, конечно, все знают, и сейчас уже зависят от Тамары Федоровны. Дело в том, что у них подошла очередь на двухкомнатную, своим чередом подошла, по закону. Вот тут их и вызвал директор завода.

Сказал, что ему до смерти нужен один специалист, что он его долго искал, наконец нашел, но без квартиры тот не поедет. Поставить его впереди очереди ему сложно – не то время, свой директорский фонд он давно растратил. Поэтому, в принципе, директор уже готов пойти на ссору с общественниками и «даже с вами, дорогие мои, очень уж человек нужен!». Готов, но по-человечески не хочет. И предложил ход: пусть специалисту даст квартиру город. Короче, она, Тамара Федоровна. Тогда все будут довольны, а ей что стоит?

Тамара Федоровна была потрясена не наглостью директора – наглости она, что ли, не видела? – а тем, что Ольга первый раз в жизни ее о чем-то попросила.

Как было к этому отнестись? Обрадоваться, что все-таки нужна, понадобилась, или презирать дочь за то, что просит, в сущности, даже унижается? Выбрала середину – и обрадовалась чуть, и презирала чуть.

– Помогу, – сказала сухо.

Именно сейчас вопрос решался. Поэтому болезнь матери для Ольги очень некстати. Хотя есть телефон, протяни руку, напхни кому надо... Но Тамара Федоровна понимала, как трудно Ольге попросить ее еще и об этом... Попросит или нет? Жарит дочь телятину и думает: а помнит ли мать о квартире? Помнит мать, помнит... Но погодит звонить, погодит...

У нее долг и перед Виктором. Но тут она может быть спокойна, сын и придет, и напомнит, и поднесет телефон, и будет стоять, слушать, как мать извивается. Витя без комплексов такого рода.

Боже, какой это был обожаемый ребенок! Он родился уже, в сущности, в другую эпоху. Все устоялось, все было спокойно, стабильно, и это ценилось. Не было бездумных командировок, раздирающих душу противоречий, все образовалось. Мальчик же, в отличие от Ольги, был слабенький, хотя собой хорош необыкновенно. И эта его красота и слабость так щемили Тамару Федоровну, так ее сентиментализировали, что она сама себя не узнавала. Виктор и вырос таким, красивым баловнем. С первого класса все ему твердили, что он прирожденный артист. И действительно! Что-то в нем было... Он так проникновенно, искренне читал стихи на торжественных праздниках, что даже учителя, знавшие эти стихи уже по двадцать-тридцать лет, удивленно открывали рты, слушая забубенно-затасканные слова. Умел мальчик, умел... И отправила бы Тамара Федоровна Виктора в Москву, если б он не так плохо учился. Ни один предмет в него не входил. Просто какие-то наглухо замкнутые двери. Поэтому ни о какой Москве не могло быть и речи, если все тройки поставлены ему были исключительно из уважения к матери. Тамара Федоровна не могла понять корней такой неспособности. Сама, муж, дочь – все учились хорошо. В общении мальчик был абсолютно нормален, контактен, развит вполне... Но с какой же мукой давалась ему и грамота, и

арифметика, и география, ну все, одним словом. Поэтому взяла сына за ручку и отвела в пединститут на исторический факультет. Проследила за всем.

Сейчас Виктор уже окончил институт, работал в райкоме комсомола инструктором, было это ему противопоказано, потому что говорить с людьми о том, о чем нужно, а не про что ему интересно, не умел. Надо было его куда-то переустроить. Пока суд да дело, Тамара Федоровна заставила его сдавать кандидатский минимум. Тяжелейшее было мероприятие, но, как говорится, с Божьей помощью... Сдал Виктор два экзамена, остался основной – история. И тут случилась неприятность. Пришел к ней на работу завкафедрой истории, бывший однокурсник, очень трудный человек, и сказал ей с порога:

– Знай! Через мой труп! Я твоего необразованного оболтуса близко к науке не пущу. Я терпел, пока он учился... Ладно, думаю... Не впервой учим неизвестно кого. Тут же – хоть известно кого... Но ты что намыслила? Защиту! Это при его-то знаниях? Вот тут я и лягу на рельсы...

Тамара Федоровна засмеялась.

– Ты, Саня, сядь... Кричишь на меня через весь кабинет... В нем знаешь, сколько метров? Сорок восемь... Охрипнешь...

– Сяду, – сказал однокурсник. – Сроду в таких хоромах не сидел.

– Ну-ну, – снова засмеялась Тамара Федоровна. – У вашего ректора не менее.

– Я ж не про пространство, Тома... Пространство я всякое видел – от камеры до безбрежной тайги...

– Забудь! – великодушно сказала Тамара Федоровна. – Забудь, Саня, сразу жизнь легче станет.

– А зачем мне легче? Мне не надо... Мне как раз нужен груз, весь без остатка, мой... Кто я без него?

– Ты, Саня, всё! Доктор наук, завкафедрой, книжки печешь, как пироги, даже за граница тебя чтит. А ты говоришь – кто? Что тебе еще не так?

– Все! – дерзко сказал он. – Все! Потому что я делаю пятую часть того, что должен и что могу... Ты ведь мне все время в горло палки вставляешь, чтоб я лишнего не сделал.

– Я? – возмутилась Тамара Федоровна.

– Конечно, ты! Ты для меня, Тома, олицетворение... Помнишь по литературе, что это такое? Ты, Тома, всюду. Ты как Бог... И нет тебя, и всюду ты есть... Была б моя воля, я б тебя снял...

– Мне б понять, за что ты меня так, – устало сказала Тамара Федоровна. – Я тебе, кроме хорошего...

– Разное у нас хорошее. Знаешь... Что русскому здорово, то немцу смерть...

– Это я немец?

– Пусть я... Это все равно... Помнишь, как меня с третьего курса выгнали за то, что я выпустил газету, не согласованную с начальством?..

– Но ведь ты там такое натворил...

– А чего я натворил? Сейчас все газеты про это – про самостоятельность мыслей и поступков. Про то, что революция – это только начало, роды... А если не растить дитя правильно, он же скотиной может вырасти... Что, я был не прав? И мы правильно растили дитя? По совести, по нравственности?.. Что, мы учили его языку и культуре во всем объеме, а не при помощи разнообразных цитатников?

– Это дитя, между прочим, выиграло войну, – гордо сказала Тамара Федоровна.

– Дитя могло до нее не дойти, до войны, Тома... Могло...

– Ну да, конечно, фашизма не было...

– И его могло не быть, Тома...

– Фу! – возмутилась она. – Совершенно некорректный разговор. Могло – не могло... Было же!..

– Это верно... Но я был молод, запальчив, почему я не мог вслух поговорить о том, что рвало мне сердце? Почему надо было мне крутить руки?

– Неужели ты не понимаешь, что если двести пятьдесят миллионов начнут вслух кричать каждый о своем, мы тут же погибнем?..

– Неговоримое, Тома, но думаемое разрушает еще больше... Изнутри... Это я изучал специально... Хочешь, принесу тебе выкладки? Свобода слова, Тома, это не просто демократическое завоевание, это условие человеческого здоровья, условие выживания вида...

- Кого теперь чем удержишь? Говорят что хотят.
- Тома! Слава богу! А посему я твоего Виктора буду блокировать всеми возможными средствами.
- С логикой у тебя плохо... Где поп, где приход, но спасибо, что предупредил...
- Будешь искать другую кафедру?
- Буду, Саня, буду! Он у меня один...
- Вас-то больно много на душу населения...

Вот так, нахамил и ушел. Ей же пришлось связываться с соседним городом, с тамошним институтом. Договорилась, что кандидатский экзамен по истории Виктор сдаст там. И вот сейчас, именно в эти дни, вопрос уточняется в деталях, чтобы не случилось непредвиденного. Саню же, однокурсника, отправили в круиз вокруг Европы. Надо обязательно успеть с экзаменом, пока он ошалело плясится на адриатические земли и покупает джинсы своим бабам. Тут каждый день в счет...

Пришла Ольга с подносом.

– Я пойду к столу! К столу! – сказала Тамара Федоровна, опуская с кровати ноги. Она уже хотела встать на них, но вся покрылась испариной, не поддалась, все-таки встала и рухнула. Ольга кинулась к ней, бросив поднос на пол, сквозь ватную густую пелену слышала Тамара Федоровна, как он звякнул, как разбилась тарелка, как запрочитала Ольга. Потом все исчезло...

Очнулась, лежит на кровати, вокруг много народу, даже Никоненко. Рядом носилки. Видимо, только что хотели ее переложить, а она очнулась.

– Отставить, – сказала она странное слово. Просто других не вспомнилось.

– Тамара Федоровна! Голубушка! – Это Никоненко заезжил, выступая вперед.

– Я никуда не поеду, – сказала она неожиданно сильным голосом. – У меня просто закружилась голова. Выпью беллоид, и пройдет.

– У вас будет прекрасная отдельная палата, мы создадим вам домашние условия... Всегда рядом будут специалисты... На всякий случай...

– Всякого случая больше не будет... Я сама виновата... Резко встала...

Они отступились перед ней. Тамара Федоровна лежала с закрытыми глазами. Пошелестели, пошелестели рядом и ушли.

«Неужели больше не встану?» – подумала она. Но на этот раз уже не было ужаса, кошмара, гнева. Было что-то другое, неоформленное, неопределенное, что хотелось понять... Но оно ускользало...

Она чувствовала, что дочь и еще кто-то подглядывают за ней в приоткрытую дверь, поэтому старалась дышать спокойно, ровно. Пусть успокоятся и уйдут подальше.

«Значит, так, – думала она, когда соглядатаи ушли. – Два важных звонка. Это прежде всего... Но разве я об этом хотела подумать? Что-то еще... Совсем-совсем другое... Может, что-то связанное с мужем? Ах, какие глупости... Конечно, нет... Ему никаких моих звонков не надо... Ему вообще ничего от меня не надо... И мне от него тоже».

Отбросила мужа...

Ее никогда больше не будет. Был единственный, неповторимый случай в мироздании – она. Был и кончился. И все. Сближались, идя навстречу друг другу, ее неведомые пра-пра-пра... Шла какая-то таинственная пляска связей, судеб, в результате которых появлялись все новые и новые люди... Но каждый из них был один – всего один! – раз, именно для того, чтобы в результате один – один! – раз возникла она. Это такое единичное, редкостное, никогда не осмысляемое одиночество себя самой вдруг пронзило ее всю. Правда, пришла мысль о единичной неповторимости каждого другого, но она отбросила эту мысль, как отбросила мужа... Что ей все? Она... Зачем она? Кому она? Ничего не существовало ни до, ни после... Голенькая, тепленькая, живая, уникальная. Она стояла в пространстве – времени, которое и было ее жизнью и с которым пришла пора уходить.

«Нет! – закричала про себя Тамара Федоровна. – Я мыслю, значит, существую... Я не ухожу... Я не уйду... Я еще не все сделала. Я еще не все поняла... Человек обязан понять... У него должно быть время понять!»

А они, соглядатаи, уже стояли рядом. Значит, она все-таки крикнула вслух? Другая, уже не утренняя сестра со шприцем на отлете мостила на краешке кровати...

– Сейчас перестанет болеть, перестанет, – говорила сестра.

– У меня не болит, – ответила Тамара Федоровна удивленно.

– Ну и хорошо, – обрадовалась сестра, – значит, совсем не будет...
Чего терпеть? Не надо терпеть!

– У меня нет болей! – четко сказала Тамара Федоровна Ольге. –
Зачем колоть каждую секунду?

– Доверься ты врачам, – ответила Ольга. И было в ее голосе плохо скрываемое раздражение.

Наступила тупость, сонливость, равнодушие... «Пусть, – подумала, – пусть...»

Ночью четко и определенно заболела спина. Из кухни шел свет, значит, там кто-то был... Муж, видимо, спал в гостиной. Шторы никто не задернул, и квадрат окна был светел и праздничен от фонарей, которых по ее указанию было в их дворе в избытке.

«Мы повторяемся в детях, – сказала себе Тамара Федоровна и сама же усмехнулась: – Чепуха! Мои совсем не я. Они сами по себе... Общее только то, что они тоже пришли по единственному разу... И тоже уйдут... Что за чушь мне лезет в голову? Единственный – не единственный, при чем тут это?»

Но тревожило именно это, больше, чем спина, тревожило...

«Хорошо умирать в бою, – подумала Тамара Федоровна. – Все сразу ясно. Когда же валяешься, как бессильный идиот...» – «А что ты знаешь об умирающих в бою? – услышала она. – Ты же не умирала там...» – «Там не успеешь подумать...» – «Откуда ты знаешь, успели они или не успели?» – «Если прямое попадание...» – «Что такое прямое попадание?» – «Сердце, голова...» – «А я? Есть же еще я...» – «Ты? А кто ты, собственно? С кем я говорю?» Действительно, с кем это она?

– Есть там кто? – крикнула Тамара Федоровна. Влетела сестра.

– Больно?

– Спина, – ответила Тамара Федоровна. – Лопатка...

Сестра сделала укол и осталась рядом. Ни муж, ни сын не проснулись...

– Сколько вам надо заплатить за ночные дежурства? – вдруг неожиданно для себя спросила Тамара Федоровна.

– Не знаю, – засмушалась сестра, но вопрос с порога не отвергла. – Сколько дадите...

– Но я не знаю сколько, – рассердилась Тамара Федоровна.

– Сиделок теперь нет, – сказала сестра. – Всегда по договоренности... Теперь никого не обяжешь... Я почему пошла, я большой долг отдаю... За кооператив... Я вам честно...

– Все теперь честные, – пробормотала Тамара Федоровна. – Хорошо, у меня есть деньги, а не будь их?

– А не будь, мужа бы обучили уколам... Вообще с вами никаких проблем... Вам палату освободили... Кровать финскую поставили... Занавески чистые повесили... Но я вас понимаю... Дома лучше... Тем более, если мы договоримся...

– Договоримся, – сказала Тамара Федоровна. – Откройте форточку, что-то мне душно...

Сестра открыла, постояла, подождала, не сильно ли задувает, натянула на Тамару Федоровну одеяло до подбородка. Снова это было неловко, неправильно, как будто не на человеке одеяло, а на манекене, а то и доске... Видимо, никто этому не учит... Укрыть больного... Но ведь ее, Тамару Федоровну, тоже никто не учил... А она умеет... Вспомнила, как приезжала перед смертью к матери, кормила ее с ложечки, укрывала. Та ей на это: «Никто так не накормит, как ты, доченька... И одеяло никто так не поправит...» Как сейчас слышит слова своей матери... Как сейчас... И это «как сейчас» вдруг остро обнаружило неожиданное: мать врала. Стоило сейчас только вслушаться в тот ее голос, чтобы понять: он насквозь притворный, фальшивый... Господи, а она это все принимала за чистую монету! Но как могла мать, мать! Зачем она ей так?

Она ее боялась, всю жизнь боялась... Мать – дочь... Отец погиб на фронте в сорок втором, а в сорок третьем мать засобиравшись замуж. Работала она учительницей младших классов, а «этого» прислали в школу после ранения военруком. Был у него протез левой руки, черная повязка на левом глазу, левая нога была короче после операции. В общем, он был исключительно правый мужчина. Был он зол, желчен, на уроках кричал, а случалось, и бил учеников, но как-то все ему сходило, как инвалиду. Прибился к матери. В школе все женщины, все были готовенькие, а он мать выбрал. Она, Томка, сразу все унюхала, сразу все учуяла. Такое матери устроила, что та перед ней, малолеткой, на колени вставала. Тамара Федоровна до сих пор удивляется, откуда она слов столько знала суровых и обличительных. Она все матери сказала, а закончила приговором: «Ты – враг народа». Тут мать и

бухнулась ей в ноги. В общем, поломала дочь это мероприятие на корню. Военрук вскоре уехал, мать так и осталась одна. Жизнь становилась все дороже и дороже, а какой у учительницы заработок? И стала мать прирабатывать. Летом, благо каникулы длинные, мотнется к своему дядьке на Ставрополье и привезет от него чемодан дуста. Откуда он был у дядьки – темное дело. Целыми ночами, повязав рот и нос косынкой, делала мать пакетики с дустом. Утром несла на базар, и там эти пакетики хватали, как горячие пирожки... Почему-то после войны было очень много клопов. Просто бедствие какое-то... Лето мать поторгует, глядишь, на учительскую зарплату и жить можно. Тут Тамара не все сразу сообразила. Первое время, бывало, даже помогала матери нарезать бумажки. К дусту ее мать не подпускала. Потом услышала слово «спекулянтка». Влетела домой, кричала на мать так, что соседи сбежались. И снова мать бухнулась перед ней на колени. Отрезали Ставрополье и дядьку с дустом. Чемодан весной спалили, когда жгли оставшийся после зимы мусор. Воняло на всю округу, а потом у соседки сдохли куры, поклевавшие на пожарище, пришлось расплачиваться с ней по дорогой цене, потому что соседка – подруга матери, между прочим, – грозила судом.

Жить без приработка стало еще трудней. Просто невозможно. Тем более последние Тамарины годы в школе. То то надо, то другое. Кашемир на форму, штапель на фартук черный, батист – на белый. И хоть не сравнить те цены и нынешние, все равно в учительскую зарплату все не помещалось. Вылезло, к примеру, зеленое бобриковое пальто... А как без пальто проживешь?.. Что могла сделать женщина, не умеющая, в сущности, делать ничего, кроме как учить детей грамоте? Но была в матери оборотистость. Хватка. Пустила столоваться двух молодых специалистов, которые приехали на строительство горно-обогатительного комбината. Общежитие и комбинат рядом с их домом, столовая же черт-те где. Мать и ухватила ситуацию. Сама во вторую смену, с утра бежит на базар, обед домашний – будь здоров! – оставляет на плите... Специалистам – ключи. Приходят как домой... Все горяченькое, тарелки на столе... Хлеб нарезан...

Она, Томка, снова не все сразу сообразила. Потому что мать уже была хитрая и сказала ей, что ее, мол, попросило начальство официально, чтобы золотое время специалистов не тратилось на

дорогу в столовку туда-сюда, а с максимальной пользой шло на дело государственного значения. И дочь дура развесила уши, поправилась на этих обедах. Снова вошли они в форму на скромном учительском заработке. Но тут явился милиционер. Соседка, бывшая подруга, донесла. И снова был скандал, и снова мать сделала попытку кинуться в ноги, но тут Тамара все перехватила, так сказать, по дороге. Не дала упасть... Толкнула ее так, что мать затылком об стену шмякнулась, месяца два была шишка. И был у Тамары порыв: пусть ее как недостойную исключат из комсомола. Она не хочет позорить коллектив и знамя, которое совсем недавно выносила на конференцию. Директор школы так ее обнял, так прижал к груди, что поцарапал ей щеку о какой-то значок на пиджаке, но не дал ей написать заявление. «Горжусь тобой и надеюсь на тебя, – сказал. – Звездочка ты наша».

Слава богу, школа уже кончилась, милиционер оказался не только не вредным, а даже и не очень справедливым, потому что стал почему-то стыдить соседку. Мать как-то увяла, провожала Тамару в институт какая-то тусклая. Дочь приставала: «Ты болеешь, что ли?» – «Здоровая я, здоровая...»

Потом у Тамары пошла совершенно самостоятельная и независимая от матери жизнь. Она даже на каникулы приезжала редко, все у нее то походы, то соревнования, то приемные комиссии... Как-то приехала, а мать с соседкой уже опять подруги...

– Ты беспринципная, – сказала она матери.

– Пожалуйста, Томочка, не ругайся, – тихо ответила мать. – Я отвыкла...

До смерти мать работала учительницей и болела всего ничего – неделю. Тамара Федоровна помогать ей стала сразу, как стала работать. Сначала по сто рублей старыми, потом, после реформы, посылать десятку было почему-то стыдно – стала посылать пятнадцать. Потом, когда уже окрепла, двадцать пять... Мать присылала в ответ письма из одних «спасибо», «благодарю» и «низко кланяюсь».

До расцвета дочери мать не дожила. До персональной дочерней машины, депутатского значка и так далее... Но и до всего этого приездов Тамары всегда боялась, соседку гнала с порога, а свежие газеты выкладывала на стол портретами вверх.

– Ну, мама, – смеялась Тамара Федоровна. – Это-то к чему?

Мать как-то жалко дергала плечами.

А потом телеграмма, и эти последние дни рядом, и сознание выполненного долга, и белый памятник, и витая ограда... И слова: «Никто так не накормит, как ты, доченька... И одеяло никто так не поправит...»

Фальшивые слова. Выяснилось сейчас. Как она раньше-то не слышала? Ведь и слуха особого для этого не надо... Мать ведь фальшивила откровенно... А в углу тихо плакала соседка и все повторяла: «Христос ты наш, спаситель, Христос ты наш, спаситель...»

Что же такое получалось? Значит, если мать тогда врала, то неизвестно, умеет ли ухаживать Тамара Федоровна за больным, умеет ли поправлять одеяло? Идиотская проблема, но выяснить ее оказалось необходимо. Просто до зарезу. Если она умеет это делать, то все с ней в порядке... И тогда не надо отвечать на тот смутный, нечетко сформулированный вопрос-призрак о собственной единичности и уникальности в природе. «Какая чушь», – подумала Тамара Федоровна.

Но встала!

Она стояла перед собственной постелью, освещенная сзади квадратом окна. Она аккуратно взбивала подушку... «Вот как это делается, – говорила она кому-то. – Вот как! Берешь подушку и по ребрам ее, по ребрам...» Какие у подушки ребра? – удивилась сама себе... Теперь простыня. Она должна быть натянута. Мало дернуть по краям... Нужно сначала огладить середину. Она потянулась к середине и упала лицом вниз. «Я умею! Умею! – кричала она. – Это ерунда – ухаживать за больным в постели. Я им покажу всем, как это делается...»

Так ее и нашли утром, лежащей поперек кровати. Сестра клялась-божилась, что ни минуты не спала, все время заглядывала, и все было нормально, даже хорошо поговорили...

Муж и сын были смущены, потому что оба как раз крепко спали. Вечером ведь все было более-менее, и потом, врачи говорили о двух-трех месяцах, а тут всего день прошел...

На вскрытии выяснилось, что умерла Тамара Федоровна от обширного инфаркта, а рака у нее никакого не было. Были перепутаны рентгеновские снимки.

– Ай-я-яй-яй-яй! – сказал сам себе Никоненко. – Когда же этот бардак кончится?

Медики тут же созвонились друг с другом, поцокали языками: хреновая ситуация. Договорились: самим волну не гнать. Подождать реакции родственников. Неделю ждали, две, месяц...

Никоненко сам от себя прибавил срок – сорок дней. И хорошо о себе подумал: «А я, оказывается, христианин».

Но никто из родных с жалобой так и не возник. «Правильно, – одобрил их Никоненко. – Необратимая же ситуация – смерть».

И он выбросил всю историю из головы раз и навсегда, напрочь...

Секундно, в момент выбрасывания, вспомнилась Тамара Федоровна. «Умела баба приказывать, умела, – элегически подумал Никоненко. – Как она брала за жабры! Этого у нее не отнимешь...»

Глупый человек Никоненко, кто бы сейчас стал что-то отнимать у Тамары Федоровны? Впрочем, может, и неглупый? Может, он знает, как отнимать у покойников?

При случае надо будет его расспросить... Он врач никудышный, а рассказчик – блеск...